

Николай Михайлович Карамзин

Всеобщее обозрение

Николай Михайлович Карамзин

Всеобщее обозрение

«...Мы желаем уведомлять наших читателей о мирном благоденствии держав, о полезных учреждениях во всех землях, о новых мудрых законах, более и более утверждающих сердечную связь подданных с монархами. Военные громы возбуждают нетерпеливое любопытство: успехи мира приятны сердцу. Оставляя издателям «Ведомостей» сообщать в отрывках всякого рода политические новости, мы будем замечать только важные...»

**Николай Михайлович
Карамзин
Всеобщее обозрение**

Наконец мир в Европе. Исчезли ужасы десятилетней войны,^{1} которая потрясла основание многих держав и, разрушая, угрожала еще большими разрушениями; которая, не ограничиваясь Европою, разливала пламя свое и на все другие части мира и которая будет славна в летописях под страшным именем *войны революционной*. Особенным ее характером было всеобщее волнение умов и сердец. Кто не занимался ею с живейшим чувством? Кто не желал ревностно успехов той или другой стороне? И многие ли сохранили до конца сей войны то мнение о вещах и людях, которое имели они при ее начале? Она не только государства, но и самые души приводила в смятение.

Как после жестокой бури взор наш с горестным любопытством примечает знаки опустошений ее, так мы вспоминаем теперь, что была Европа; сравниваем настоящее с прошедшим и удивляемся великим политическим изменениям сего десятилетия. Целые области совсем исчезли. Где Польша? [1] Где Венеция? Где многие княжества в Германии и в Италии? Сего мало: надобно, чтобы и в Аф-

рике отдались громы французской революции, – где славные египетские беи и древние мамелюки? Новые области явились в Европе: здесь воскресло древнее имя и царство Этрурии; тут Ломбардия превратилась в Чизальпинскую республику; на островах Средиземного моря образовалась новая Иония. Границы государств переместились, и авторы географических карт должны снова начать свою работу.

История заметит, что только одно европейское государство спаслось от кровопролития *революционной войны*, а именно Швеция, быв два раза в готовности воевать, сперва с французами, а после с англичанами. Смерть Густава удалила шведов от разрыва с республикою; кончина императора Павла I остановила их неприятельские действия против англичан.

История заметит также, что Франция, где воспылали первые искры мятежа, после многих чудесных перемен судьбы своей, при заключении славного для себя мира вошла точно в старинные свои границы, то есть в границы древней Галлии, с одной стороны по Рейн, а с другой – до внутренней Италии, с

тою розницею, что галльские народы, соединяясь иногда в воинских предприятиях, часто и друг с другом воевали, не имели общего средоточия, ни единства воли, ни единства действий; а теперь 50 миллионов повинуются законам и гению одного человека, устремляют политические силы свои на один предмет, служат (так сказать) одною рукою для правления, и новый Цесарь, новый Кловис не страшен для новых галлов.

Подивимся игре неизъяснимого рока: сколько раз в течение сей войны республика по всем вероятностям разума должна была погибнуть?{2} В самом начале она казалась верною жертвою, без искусных генералов, без дисциплины, с толпами людей едва не безоружных или не умеющих владеть оружием, при ужасном беспорядке в правлении, среди множества недовольных, явных и тайных *внутренних* неприятелей, желающих успеха *внешним*, которые в грозной и стройной многочисленности, под начальством славнейшего полководца, с именем лучших европейских армий, с опытными и храбрыми офицерами шли... не победить достойного их

неприятеля, а только усмирить мятежников, и заняли стан в 180 верстах от Парижа! Еще четыре дни суворовского марша, и конец революции! Уже самые смелые жирондисты, Петионы и Бриссоты, в отчаянии своем хотят бежать из Парижа, увезти заключенного короля в южные провинции, в ущелинах и на хребте гор Пиренейских основать вторую Швейцарскую республику или погибнуть в пропастях. Вдруг соединенные армии, в испуге панического, до сего времени непонятного страха, бегут назад, а Дюмурье называет себя Ахиллесом, жалуется других генералов [2] в Аяксы и торжествует без победы! – Скоро другой благоприятный случай представляется союзникам. Принц Кобургский, ученик Рымникского, побеждает французов; их славный Ахиллес передается к австрийцам и хочет сам вести их к Парижу, в то время когда восстают лавандейцы, бьют республиканцев и готовы с другой стороны также идти к столице Франции и мятежа. Европа опять думает, что всему конец: consummatum est! [3] Нет, надобно, чтобы союзники разделились; надобно, чтобы герцог Йоркский по-

шел к Дюнкирхену и дал Гушару способ разбить англичан; надобно, чтобы принц Кобургский не вовремя приступил к Мобёжу и после оставил Журдана в покое; надобно, чтобы король прусский, приучив французов к огню сражений (подобно как шведы учили в свое время армию Петра Великого), заключил с ними мир! – Наконец, французы имели уже великих генералов и многочисленное войско, узнавшее тайну победы. Италия, большая часть Германии была в их руках; Моро, Гош, особливо Бонапарте дали им имя *непобедимых*; казалось, что судьба республики уже решилась к ее славе. Но безумные властелины Директории, отправив Бонапарте в Египет вместе с их счастьем, снова поставили Францию на край бездны. Суворов, как Цесарь, пришел, увидел, победил – эрцгерцог разбил Журдана – еще 35 тысяч русских вступает в Швейцарию – англо-российская армия идет к Амстердаму. Союзники действовали с жаром и с твердостью. Французское правление колебалось, утратило свою надежность и доверенность народа; оно не могло подкреплять армий, которые уже разучились побеждать и

ждали, так сказать, с часу на час конца своего. – Герой италийский, эрцгерцог и генерал Корсаков должны были вдруг напасть на Массену, разбить, истребить его, вступить через Швейцарию во Франш-Конте и прямо идти к Парижу, не имея перед собою ни крепостей, ни армий. Французы чувствовали свое бедственное состояние, и я помню речь одного из знаменитейших членов пятисотного совета, Эшассерио, который уже говорил об эшафотах для республиканцев. Может быть, австрийцы позавидовали славе русских; может быть, Тугут ошибся в расчетах своей тонкой и глубокой политики; может быть... Как бы то ни было, но отступление австрийской армии к Мангейму все расстроило и переменяло в системе войны. С сего времени счастье снова обратилось лицом к французам и не переставало уже до конца служить им. – Таким образом, республика *три раза* была в самом отчаянном состоянии; три раза политические медики осуждали ее на смерть; но судьба в течение сей войны более нежели когда-нибудь играла случаями и приводила в недоумение ум человеческий. Первому году нового века при-

надлежала слава общего мира, который был необходимостью всех народов после долговременных бедствий. Война не могла уже иметь прежней цели своей: опасные и безрассудные якобинские правила, которые вооружили против республики всю Европу, исчезли в самом своем отечестве, и Франция, несмотря на имя и некоторые республиканские формы своего правления, есть теперь, в самом деле, не что иное, как истинная монархия. Римский император, потеряв Брабант (где всегда с большими издержками надлежало ему иметь многочисленную армию) и Ломбардию (которая, в самом деле, приносила ему мало существенной пользы), награжден за то Венециею, которая вводит Австрию в число морских держав. Россия и Франция не могли ничего требовать друг от друга: им оставалось только возобновить коммерческие связи свои. Мир Франции с Портою дает первой многие торговые выгоды, а для последней спасителен тем, что Англия и Франция обязываются хранить целость ее владений. Но король сардинский, герцог тосканский и немецкие князья остаются жертвами

общего покоя; они виноваты, ибо слабость есть вина в политике!

Мир республики с Англиею казался весьма трудным: он удивил Европу своими условиями. Франция берет все назад, Англия выигрывает только один мир, платя за то почти всеми своими блестящими завоеваниями и выгодами исключительной торговли, которыми она во всю войну пользовалась и которые должно теперь разделить ей с другими народами. Трудно сказать, что именно заставило английское министерство быть столь великодушным и бескорыстным, но, конечно, не од- но желание пресечь кровопролитие и уго- дить народу; такого человеколюбия и снис- хождения не можем предполагать в Аддинг- тоне и Гакесбури, особливо ж зная то, что они действовали по мыслям Питта, который сла- вен умом, а не мягким сердцем и который го- тов был целым миром жертвовать пользе сво- его отечества. Известно, что Аддингтон, пе- ред самым подписанием мирных условий, несколько дней провел в деревне с Питтом. Любопытный человек хотел бы подслушать сих двух знаменитых министров, когда они,

сидя под ветвями какого-нибудь величественного дерева, рассуждали о судьбе мира, угадывали все возможности и сравнивали одни с другими! Может быть, они предвидели, что европейские державы, желая мира, принудили бы наконец Англию исполнить сие желание, самым тем средством, которое хотел употребить Павел I, то есть закрыв для нее все свои гавани;{3} может быть, они предвидели, что вечная война обременила бы английский народ несносными налогами или произвела бы неминуемое государственное банкротство; может быть, они в самом деле боялись, чтобы французы рано или поздно не сделали высадки в Англии или в Ирландии, где все еще таились искры бунта. Догадки наши будут сомнительны; но человечество, без всякого сомнения, благодарно английским министрам, что они по осторожности или неосторожности заключили мир.

Английский народ вне себя от радости. Все лондонские журналисты прославляют министерство, и старинные противники его Фокс, Шеридан, Тирней хвалят мир... Любопытно было слышать Питта, когда он в собрании

нижнего парламента говорил о должном уважении к французскому правительству и к Бонапарте, называя его прежде корсиканским разбойником! Но лорд Гренвиль, бывший государственный секретарь, и Виндам, бывший министр военный, прежние друзья Питтовы, говорили с великим жаром против мира; особливо Виндам, который в пророческом иступлении воскликнул: «Англия погибла! Пусть веселится народ; но скоро увидит он свое заблуждение! Сии радостные огни, пылающие теперь в Лондоне, кажутся мне печальными светильниками погребения. Одни непримиримые враги наши воспользуются миром, и мы рано или поздно будем жертвою их коварно-ласковой улыбки! Они цветами притворного дружелюбия усыпят нам путь к могиле! Несчастное отечество! Гроб для тебя уже отверзается!» Красноречивый экс-министр содержанием речи и голосом своим заставил плакать многих зрителей и самых членов парламента. Но чего ж хотел он? Вечной войны! «С французами, — сказал Виндам, — нельзя помириться, между прочим, и для того, что супружество основано у них на

одном гражданском контракте!» Он не удовольствовался другими, сильнейшими доказательствами.

Экс-министр видел в будущем, конечно, излишние ужасы для Англии; но то правда, что приобретение гишпанского острова Троицы и голландского Цейлона не могут наградить ее за войну, которая стоила ей более 3000 миллионов рублей; что Франция в мирное время, конечно, умножит флоты свои и что Великобритания хотя не скоро, но верно должна утратить первенство свое на море. — Остров св. Троицы производит сахар, хлопчатую бумагу и множество разных плодов; он всего важнее для англичан тем, что доставляет им удобное средство торговать с гишпанскою Америкою. Цейлон славен жемчужною ловлею и своею корицею. Лондонские журналисты говорят, что мореплаватели, приближаясь к нему, за несколько миль уже чувствуют благоухание! — Но главным приобретением Англии в течение сей войны [4] останется слава ее непобедимых флотов, истребивших морские силы Франции, Голландии, Гишпаний. — Думаю, что в тайных статьях мира ан-

глийского министерство не забыло несчастных принцев Бурбонского дому и штатгальтера. Сей последний, выезжая из Лондона, написал к королю умное и хотя благодарное, но гордое письмо, достойное потомка Вильгельмова и Маврикиева.

Если английский народ обрадовался миру, то радость французов была еще живее и основательнее, особливо в городах приморских и торговых, которые с восхищением увидели *дружественный* флаг Великобритании в своих гаванях и спешат теперь отправлять корабли во все части света. Усердие к Бонапарте дошло до высочайшей степени: со всех сторон пишут к нему благодарные письма, в которых называют его *спасителем республики, первым героем всех веков, единственным*, и проч. и проч. Он, конечно, заслужит признательность французов, если, разрушив мечту *равенства*, которая всех их делала равно несчастными, и восстановив религию, столь нужную для сердца в мире превратностей, не менее нужную и для целостности государств, отеческим правлением загладит бедственные следы революции, даст республике мудрую

систему гражданских законов, будет искренним покровителем наук, художеств, торговли и на сем основании утвердит благоденствие Франции, миролюбивою политикою согласив ее выгоды с выгодами других держав. Тогда сей монарх-консул оправдает дело судьбы, которая возвела его из праха на такую степень величия.

Многие политики боятся решительного влияния Франции на участь Европы. «Мы верим миролюбию и благоразумию консула Бонапарте, – говорят они, – верим, что он не возмутит спокойствия держав и будет заниматься только внутренним благом государства; но когда другой со временем заступит его место и, не будучи, подобно ему, насыщен воинскою славою, захочет лавров, имея в своих руках Францию и еще три республики, которые непременно должны от нее зависеть: что будет тогда с Европою, по крайней мере с Германиею и с Италиею?» Сей страх не совсем основателен. Союз России, Австрии, Пруссии и Англии может всегда ограничивать внешние действия Франции и противоборствовать всякому злоупотреблению силе ее. На одной сто-

роне сии четыре державы, а на другой – Французская республика, Голландская, Швейцарская и Чизальпинская (прибавим к ним еще и Гишпанию) составят то равновесие, которое нужно для политического благосостояния Европы.

Удалим теперь от мыслей своих все печальное. Небо прояснилось над нами; некоторые остатки туч видны еще на горизонте, но мы с сердечным удовольствием смотрим на светлые места его. Австрия отдыхает после кровопролитной войны, и правительство ее старается ввести во все части государственной системы лучший порядок и согласие. Немецкие принцы надеются на следствие Регенсбургского сейма или Амьенского конгресса. Голландия, в самых революциях спокойная и флегматическая, занимается новыми планами для воскресающей торговли своей и отправляет губернаторов в Африку и в Америку. Пруссия, Дания и Швеция представляют счастливую картину мудрого начальства и довольных подданных. Россия видит на троне своем любезного сердцу монарха, который всего ревностнее желает ее счастья, взяв себе

за правило, что добродетель и просвещение должны быть основанием государственного благоденствия. Все изданные им законы сообразны с духом времени и служат залогом его человеколюбивых намерений. — Обращая взор от севера к югу, видим, и там приятные действия надежды. На Альпах раздается голос, требующий восстановления древней гельветической свободы, уничтоженной безрассудными французскими директорами. Республиканская свобода и независимость принадлежит Швейцарии так же, как ее гранитные и снежные горы; человек не разрушит дела природы, и Бонапарте дает Теллевым потомкам волю утвердить судьбу свою без всякого чуждого влияния. Чизальпинская республика, быв долгое время под опекою, ожидает наконец своей независимости и свободного политического бытия. Многочисленные депутаты ее, избранные из всякого состояния, епископы и воины, ученые и купцы, спешат в Лион, где Бонапарте вместе с ними назначит главных чиновников их республики и, таким образом, довершит свое творение, которое всегда было особенным предметом любви его.

Луциан Бонапарте, второй брат французского консула, человек пылкий, умный и красноречивый, будет, как думают, чизальпинским консулом или президентом. — Пиемонт по крайней мере спокоен. Судьба его не решена, невероятно, что Франция разделит его с Чизальпинскою и Лигурийскою республикою. Сия последняя должна опять иметь своего дожа; следственно, Бонапарте умеет иногда предпочитать старое новому. Тоскана, возвышенная им на степень королевств, ожидает от кроткого своего монарха счастливых дней Леопольдовых. — Римскому первосвященнику возвращено все, кроме Лаокона, Геркулеса Фарнезского, Бельведерского Аполлона и славнейших произведений Рафаэлевой кисти, о которых Рим никогда жалеть не перестанет. — Мы не сказали бы ни слова о бедственном Неаполе, если бы он, напоминая ужасы, в то же время не напоминал и славной дисциплины шести тысяч русских, которые спасли его от дальнейших иступлений италиянской злобы. Несчастлива та столица, в которую государь не спешит возвратиться! — Мальта была уже давно забыта историею; но теперь снова

займет в ней несколько страниц, быв *яблоком раздора* между двумя державами. Ордену возвращается древняя столица; но вероятно, что в его статутах будут некоторые перемены и что для увенчания общего мира мальтийские кавалеры великодушно согласятся оставить в покое и самых неверных! – Константинополь торжествовал победы! Еще с большею радостью должно ему торжествовать мир, который служит временною опорой для ветхого Магометова трона. Любопытно знать, на что решится теперь Пасван-Оглу, один из немногих людей в Европе, которые не радуются общему миру! – О Гишпании и Португалии можно сказать единственно то, что первая будет зависеть от Франции так же, как вторая от Англии, с тою разницею, что Гишпания хотела бы прервать свои узы, а Португалия защищает ими бытие свое. *Князь мира*, доказав, что он может быть и *князем войны*, отдыхает на своих лаврах и пользуется всею доверенностию короля.

Желаем, чтобы Амьенский конгресс был в истории славнее всех Утрехтских и Ахейских конгрессов;{4} чтобы с него началась новая

эпоха не только для политики, но и для самого человечества. По крайней мере истинная философия ожидает хотя сего единственного счастливого действия ужасной революции, которая останется пятном осьмого-надесять века, слишком рано названного *философским*. Но девятый-надесять век должен быть счастливее, уверив народы в необходимости законного повиновения, а государей – в необходимости благодетельного, твердого, но отеческого правления. Сия мысль утешительна для сердца, которое в самых бедствиях человеческого рода находит, таким образом, залог добра для будущих времен.

Мы желаем уведомлять наших читателей о мирном благоденствии держав, о полезных учреждениях во всех землях, о новых мудрых законах, более и более утверждающих сердечную связь подданных с монархами. Военные громы возбуждают нетерпеливое любопытство: успехи мира приятны сердцу. Оставляя издателям «Ведомостей» сообщать в отрывках всякого рода политические новости, мы будем замечать только важные, и «Вестник Европы» в продолжении своем может соста-

вить избранную библиотеку литературы и
ПОЛИТИКИ.

Сноски

1

Без французских новостей она не вздумала бы переменить своего правления и не раздражила бы России варшавским кровопролитием: следственно, Польша была также жертвою французской революции.

[^^^]

2

Бёрнонвиля.

[^^^]

3

Все погибло! (*лат.*). – *Ред.*

[^^^]

4

Не говорю здесь о завоеваниях ее в Индии, которые не имели связи с французскою войною.

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

...ужасы десятилетней войны. – Имеется в виду французская революция и войны, которые вела Франция в Европе и Африке.

[^^^]

2

...сколько раз в течение сей войны республика по всем вероятностям разума должна была погибнуть? – Здесь и дальше Карамзин рассказывает о неоднократных попытках коалиции монархических государств осуществить интервенцию во Франции и раздавить республику.

[^^^]

...самым тем средством, которое хотел употребить Павел I, то есть закрыв для нее все свои гавани. – В декабре 1800 года Россия совместно с Данией, Швецией и Пруссией подписала договор о «Втором вооруженном нейтралитете» (первый был подписан Екатериной в 1780 году, во время борьбы американской республики с Англией за свою независимость), тем самым закрепив право северных держав вступать в торговые взаимоотношения со всеми странами, отвергая претензию Англии объявить блокаду торговым портам враждебных ей государств.

[^^^]

Желаем, чтобы Амьенский конгресс был в истории славнее всех Утрехтских и Ахенских конгрессов... – В первые десятилетия XVIII века шла война за испанское наследство, завершившаяся миром, который был закреплен рядом договоров Утрехтского конгресса. На конгрессе, состоявшемся 11 апреля 1713 года, Франция подписала договор со своими противниками (Англией, Пруссией, Испанией и др.), который запрещал раздел Испании. В 1748 году в Ахене был заключен мир после войны за австрийское наследство, в котором участвовали Франция, Англия, Испания, Австрия, Пруссия и Голландия. 27 марта 1802 года в Амьене Франция и Англия заключили договор о мире, который завершал войну второй коалиции против Франции. Желание Карамзина, чтобы Амьенский конгресс принес мир в Европу, не сбылось – 22 мая 1803 года война между Францией и Англией вспыхнула с новой силой.

[^^^]